

С. И. Коваленко^а, В. А. Бурлаку^а

^аНациональный музей истории Молдовы,
ул. 31 Августа 1989 года, 121А,
Кишинёв, MD2012, Молдова
[covalenco@bk.ru; burlacu_vitale@mail.ru]

^аNational Museum of History of Moldova
121A Strada 31 August 1989,
Chişinău, MD2012, Moldova
[covalenco@bk.ru; burlacu_vitale@mail.ru]

Остатки кратковременного охотничьего лагеря в пятом культурном слое стоянки верхнего палеолита Рашков 8 (планиграфия, свидетельства использования охры)

Статья поступила 10.10.2022, принята 02.11.2022

Для цитирования: Коваленко С. И., Бурлаку В. А. Остатки кратковременного охотничьего лагеря в пятом культурном слое стоянки верхнего палеолита Рашков 8 (планиграфия, свидетельства использования охры). *Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований*. 2022 (2), 68–83. DOI: 10.31600/2658-3925-2022-2-68-83.

For citation: Covalenco S. I., Burlacu V. A. Remains of a short-term hunting camp in the fifth cultural layer of the Upper Paleolithic site Rashkov 8 (planigraphy, evidence of the use of ocher). *Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies*. 2022 (2), 68–83 (in Russ.). DOI: 10.31600/2658-3925-2022-2-68-83.

Резюме. Статья посвящена результатам исследований самого нижнего и самого загадочного культурного слоя стоянки верхнего палеолита Рашков 8, расположенной на левом берегу реки Днестр, в пределах Приднестровской Молдавской Республики. В ходе раскопок на площади 50 кв. м в пятом культурном слое были обнаружены многочисленные кости мамонта и крайне редкие кремнёвые артефакты. Отсутствие каких-либо хозяйственно-бытовых объектов и остатков жилых конструкций, принадлежность костей мамонта всего лишь к одной особи и свидетельства непродолжительного проживания указывают на размещение здесь кратковременного охотничьего лагеря. Вместе с тем обращает на себя факт активного использования красной охры местного

Covalenco S. I., Burlacu V. A. Remains of a short-term hunting camp in the fifth cultural layer of the Upper Paleolithic site Rashkov-8 (planigraphy, evidence of the use of ocher). The article is devoted to the results of the study of the lowermost and most enigmatic cultural layer of the Upper Paleolithic site Rashkov 8, located on the left bank of the Dniester River in the Pridnestrovian Moldavian Republic. The layer in question (fifth cultural layer) was excavated over an area of 50 square meters. As a result, numerous mammoth bones and rare flint artifacts were found. The absence of any household facilities, the fact that all the mammoth bones belong to one individual, and the evidence of short-term occupation suggest that we have to deal with the remains of a short-term hunting camp. Of special interest is

происхождения, в частности, для окраски поверхности носовых и тазовой костей мамонта, на одной из которых первоначально были заметны отдельные силуэты антропоморфов.

Ключевые слова: Приднестровье, поздний палеолит, мамонт, охотничий лагерь, планиграфия, охра.

the fact that some of the mammoth bones (nasal and pelvic ones) are painted with red ochre of local origin. Moreover, vague anthropomorphic silhouettes could be discerned on one of the bones after it had been uncovered.

Keywords: Dniester basin, Late Paleolithic, mammoth, hunting camp, spatial analysis, ochre.

Многослойная стоянка верхнего палеолита Рашков 8, открытая Н. А. Кетрау в 1958 г., располагается к востоку от северной окраины с. Рашков Каменского района ПМР/ Молдовы (рис. 1), на второй надпойменной террасе по левому склону каньонообразной долины р. Бугорня, притока р. Валя-Адынкэ, левобережного притока Днестра. Подъём от русла ручья до поверхности террасы составляет около 30 м, а от террасы до края плато — не менее 90 м. Первые находки были выявлены на небольшом распаханном участке после посадки молодого леса¹. Из частично нарушенной кровли плейстоценовых суглинков на поверхность попало несколько тысяч кремнёвых изделий, обломки трубчатых костей

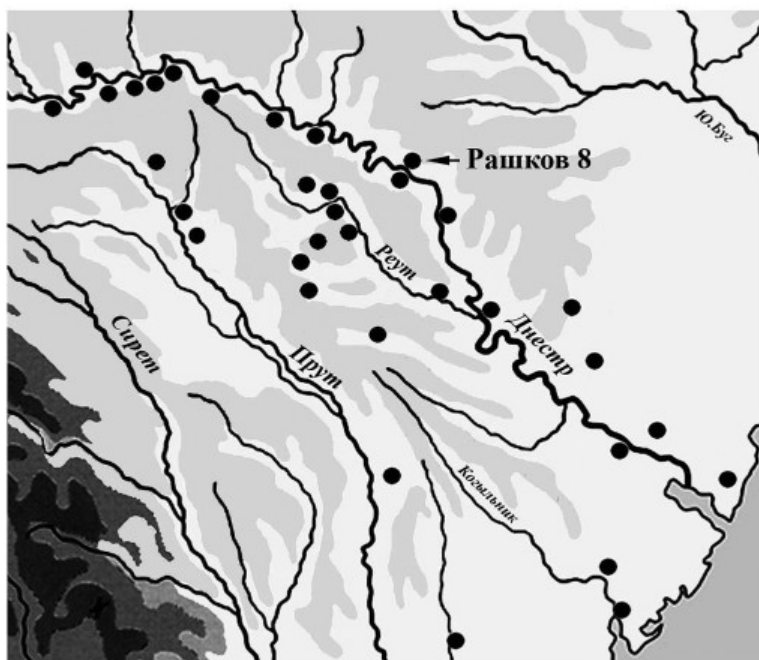

Рис. 1. Карта распространения опорных памятников верхнего палеолита в Пруто-Днестровском междуречье и на левобережье Днестра

Fig. 1. Map showing the distribution of the main Upper Paleolithic sites in the Prut-Dniester interfluvium and on the left bank of the Dniester

¹ В настоящее время территория стоянки покрыта лесом и обозначена как урочище Бугорня, квартал № 13, выдел № 24 Рашковского лесничества ГУП Рыбницкий лесхоз.

северного оленя и лошади, остатки зубов мамонта. Это позволило в 1971 г. Н. А. Кетрару и Г. В. Григорьевой собрать богатую коллекцию кремнёвых предметов, из которых 6784 находятся сейчас на хранении в Национальном музее истории Молдовы. В следующем, 1972 г. под руководством Г. В. Григорьевой и при участии И. А. Борзияка, Н. П. Тельнова и Н. П. Оленковского на памятнике были заложены семь шурфов. Стратиграфия стоянки изучалась геологом И. К. Ивановой (Кетрару и др. 1986: 123–125), обратившей внимание на необходимость выделения двух культурных слоёв.

Коллекция кремнёвых изделий, собранных на поверхности памятника, а также происходящих из шурфов, была кратко охарактеризована Г. В. Григорьевой (Григорьева 1974). Позднее своеобразие инвентаря Рашкова 8, его неординарный ориньякоидный облик, послужили одним из оснований для выделения обособленной технико-типологической группы памятников, которую было предложено рассматривать как культуру со всеми присущими ей атрибутами (Григорьева 1980: 72–75, 81). Выделение рашковской археологической культуры (Борзияк 1983: 59; Рогачев, Аникович 1984: 218–219; Borzias 2005: 6–16) подразумевало генетическую близость двух памятников: Рашкова 7 и Рашкова 8. Но если отличительные черты инвентаря Рашкова 7, ставшего прототипом для всей культуры, были в целом раскрыты (Кетрару и др. 2000; Chetaru, Covalenco 1999), то в характеристике Рашкова 8 оставалось много неясного. Ключевой вопрос заключался в оценке присутствия в рашковском инвентаре граветтоидного компонента в виде микроострий и пластинок с притупленным краем, обработанных крутой и отвесной ретушью, срезающей край заготовки на всю его толщину.

Крайне негативную позицию занял в своей оценке рашковского материала Д. Ю. Нужный, в своё время отказавшийся даже бегло ознакомиться с коллекциями стоянок Рашков 7 и Рашков 8. Совместно с Ю. Э. Демиденко он настаивал, что материалы этих памятников смешаны, граветтоидные признаки категорически не могут совмещаться с ориньякоидными в одном комплексе. По его мнению, такого рода «индустриальный салат», характерный для стоянок с нарушенной стратиграфией, исключается на памятниках с непотревоженным культурным слоем (Демиденко, Нужный 2003–2004: 519). Событию, это и стало побудительным мотивом для начала стационарных исследований на стоянке Рашков 8, где предполагалось существование как минимум двух культурных слоёв *in situ*. Начиная с 2005 г., при содействии заведующего научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета Н. П. Тельнова была проведена дополнительная шурфовка памятника и заложен раскоп на площади 50 кв. м, для которого был избран наиболее перспективный участок стоянки. В 2007 г. был заложен стратиграфический шурф, доведённый до максимально доступной глубины в 5,3 м по западному краю раскопа (рис. 2). В ходе его расчистки были прослежены пять основных культурных слоёв верхнего палеолита в покровных отложениях и несколько костеносных горизонтов в аллювиальной толще. Кремнёвые артефакты из двух верхних культурных слоёв могут рассматриваться как типичный эпиграветт, относимый с распространявшейся в Среднем Приднестровье и Среднем Попрутье в позднем верхнем палеолите культурой охотников на северного оленя типа Молодова-Косэуць-Коту Микулинць (Borzias 2004: 46–50). Кремнёвые изделия из двух нижележащих культурных слоёв сопоставимы с эпиориньяком, известным на юге Русской равнины по таким памятникам, как Сагайдак 1

Рис. 2. Стратиграфический разрез по западной стенке раскопа (цифрами обозначены культурные слои)

Fig. 2. Stratigraphic section along the western wall of the excavation (numbers indicate cultural layers)

и Анетовка 1 (Смольянинова 1990: 21–24, 27–34), а также Рашков 7². И, наконец, самый нижний, пятый культурный слой Рашкова 8 из-за крайне малого числа находок пока не может быть однозначно интерпретирован, хотя и привлекает внимание своей неординарностью.

Впервые пятый слой был прослежен в западной части раскопа в стратиграфическом шурфе на кв. Е-Ж/2"-5. Его залегание оказалось связано с основанием светло-жёлтых лёссовидных суглинков на переходе в нижележащую глеевую породу³, которая в свою очередь располагается над третьим щебнистым прослоем⁴. Неровный характер кровли щебнистого прослоя объясняет изменение глубины залегания вышележащих культурных остатков. Установлено общее снижение древней поверхности к северу в среднем на 10 см через каждый метр. На более южных квадратах Е-Ж/2"-1 крайне редкие находки приурочены к кровле маломощного горизонта щебня, который выклинивается к северу и заметен лишь по редким известняковым обломкам. Следов обитания человека выявлено мало, и представлены они почти исключительно костями животных. Особого внимания заслуживают крупные позвонки и бедренная кость мамонта (рис. 3), зафиксированная на глубине 258–269 см. Кроме того, на уровне культурного слоя достаточно часто встречались вкрапления и кусочки древес-

Рис. 3. Бедренная кость мамонта в западной части раскопа
Fig. 3. Mammoth femur in the western part of the excavation pit

² Открытие на стоянке Рашков 8 отдельных эпиграветтских и эпиориньякских слоёв, казалось бы, подтверждает тезис Д. Ю. Нужного и Ю. Э. Демиденко о смешанности коллекции кремней, собранных на поверхности этого памятника. Однако мы всё же не можем полностью отказаться и от версии Н. А. Кетрару, который рассматривал рашковский ориньякско-граветтский симбиоз как естественное явление, свойственное развитию местной позднеориньякской индустрии, воспринявшей некоторые граветтские традиции. По нашему мнению, граветтоидная составляющая рашковских коллекций могла быть и результатом контакта с носителями граветтских традиций, достаточно плотно окружавших рашковскую «резервацию» эпиориньякцев.

³ А. Л. Чепалыга назвал её гидроморфной почвой. Она действительно более вязкая, плотная, гумусированная и выглядит более тёмным прослоем на фоне вышележащих суглинков.

⁴ На северо-восточном участке раскопа на покатоми склоне древнего овражка отдельные находки проникают и в этот прослой.

ного угля. Необходимо отметить, что остатки пятого культурного слоя отделены от вышележащего четвёртого культурного слоя не менее чем 10-сантиметровой стерильной прослойкой.

Ещё одна важная находка в этом слое была сделана в северо-восточной части раскопа на кв. К/4–5 в 2010 г. при подготовке дополнительного стратиграфического разреза. Это крупный бивень мамонта (рис. 4), обнаруженный при удалении третьего щебнистого прослоя. Его верхний обломанный конец, выступающий на отметке 240 см, фактически проникал в верхи этого щебнистого прослоя, а средняя часть опускалась на глубину до 270 см, залегая в слое нижележащей погребённой почвы. Подбой в стенку соседнего кв. Л/5 позволил освободить альвеольный конец бивня, зажатый двумя плоскими известняковыми камнями до 30 см в поперечнике. На кв. К/4, куда уходил узкий конец бивня, на глубине 260 см были найдены позвонок и обломки костей мамонта. Рядом с бивнем был обнаружен отщеп — первичный скол чёрного желвачного кремня без патины.

Особый интерес представляет крупное костеносное скопление, раскопанное на кв. З-И/3–4 (рис. 5) в 2014–2016 гг., которое является главным объектом нашего внимания. Первоначально на кв. З/4, на глубине 229–243 см была прослежена его верхняя часть, имеющая до 40 см в поперечнике. Зачищенная поверхность оказалась неровной, с перепадами, кости представлены исключительно обломками, большинство которых залегают горизонтально. Уже предварительный осмотр позволил выделить в скоплении остатки раздавленного черепа, лопаток, поясничного отдела с частично сохранившимися рёбрами и крестца. Позвоночник был разделен, по крайней мере, на две части. Одна располагалась в южной части скопления и была ориентирована по линии восток-запад, другая начиналась в северо-восточной части скопления и тянулась к центру, уходя под раздавленный череп.

Рис. 4. Бивень мамонта в северо-восточной части раскопа
Fig. 4. Mammoth tusk in the northeastern part of the excavation pit

Продолжение расчистки скопления костей показало, что оно связано с несравненно более обширной концентрацией, занимающей кв. 3-И/4 с продолжением на кв. 3-И/3. Основная масса этих костей залегала в гумусированном слое, а их восточная часть проникала в кровлю третьего щебнистого слоя, в то время как западная часть была связана с прослойкой крупнозернистого песка и ракушечной крошки. Расчищенное скопление костей оказалось вытянутым с северо-запада на юго-восток. К северо-северо-востоку от него обнаружена половина тазовой кости мамонта (рис. 6).

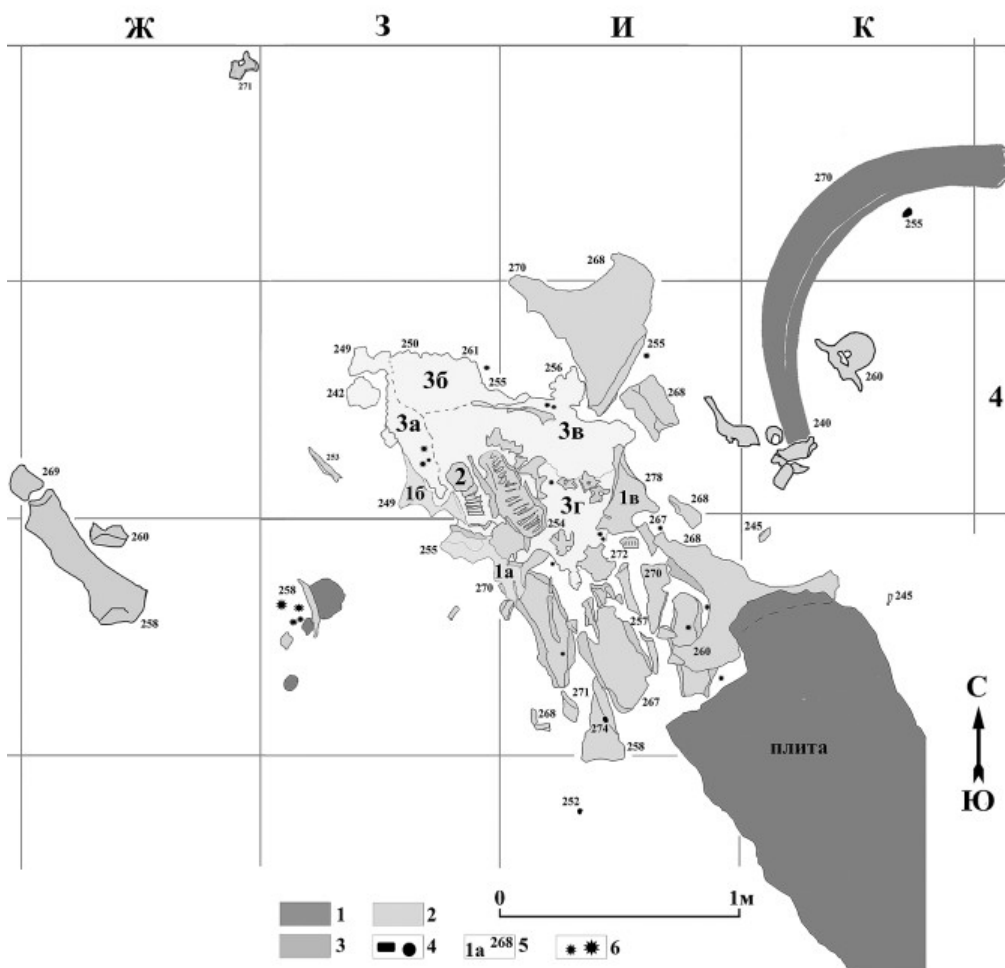

Рис. 5. План размещения находок из пятого культурного слоя. 1 — известняковая плита, песчаная плита и бивень мамонта; 2 — кости мамонта; 3 — череп мамонта; 4 — кремнёвые изделия; 5 — обозначение различных частей черепа и отметки глубин залегания находок; 6 — кусочки древесного угля

Fig. 5. Distribution of finds in the fifth cultural layer. 1 — limestone slab, sandstone slab and mammoth tusk; 2 — mammoth bones; 3 — mammoth skull; 4 — flint artifacts; 5 — designation of various parts of the skull and depth marks; 6 — charcoal pieces

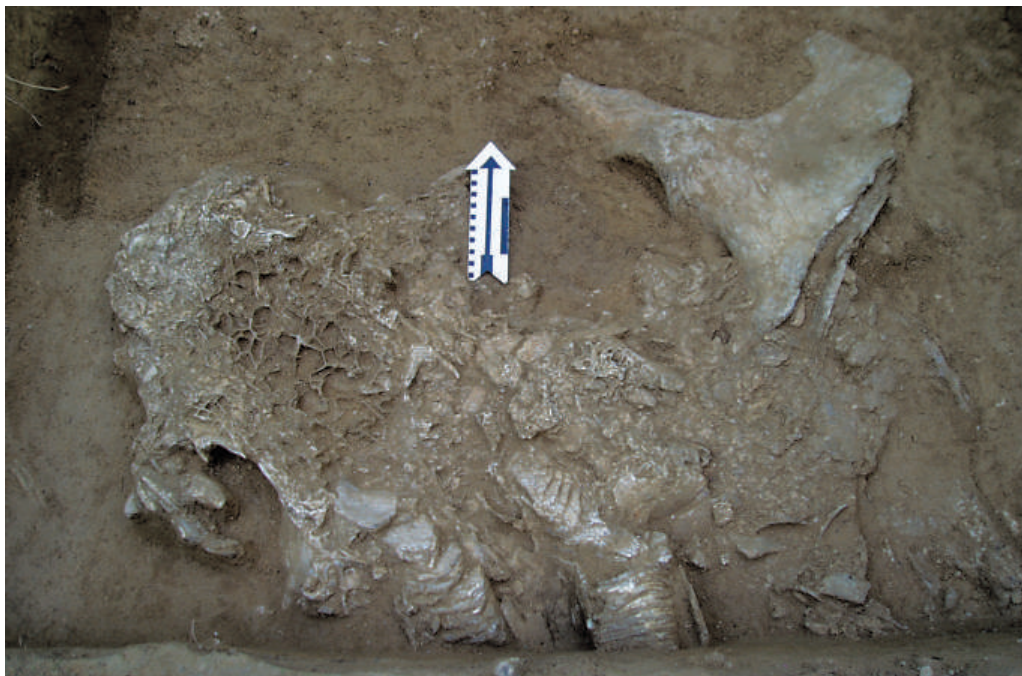

Рис. 6. Северо-западная часть скопления костей мамонта: раздавленный череп и тазовая кость
Fig. 6. Northwestern part of the accumulation of mammoth bones: crushed skull and a pelvic bone

Общие размеры скопления 2×1 м. Мощность костной массы на большей части его площади не превышает 30 см. По нашим наблюдениям, эта костяная брекчия представляла собой, главным образом, остатки раздавленного и растянутого по склону черепа. Основание черепа на площадке из известняковых плиток сохранилось лучше (рис. 7). Глубина залегания скопления костей в западной части 242 см, северной — 250–256 см, восточной — 250–259 см и южной — 250–254 см. Вероятно, изначально череп лежал теменем вверх, один его зуб расслоился на пластины, но располагался относительно компактно, другой зуб был разделён на две половины. Ещё два зуба в составе верхней челюсти зафиксированы корневой частью вверх. Два шейных позвонка найдены в промежутке между зубами. К юго-западу от зубов на кв. И/3 были расчищены кости мамонта, первоначально определённые как фрагменты трубчатых, а в дальнейшем однозначно соотнесённые с носовыми костями (рис. 8). Тщательное удаление с этих находок перекрывающего грунта посредством бамбуковых палочек позволило проследить на их внутренней поверхности обильные остатки охристого вещества в виде сгустка, который по прошествии непродолжительного времени приобрел буроватый цвет (рис. 9). Среди костей, часто сильно раздробленных, встречались мелкие древесные угольки и крошки красной охры. Два мелких фрагмента кости несут следы воздействия огня. Крайние к юго-востоку находки попали под конус выноса обломочного материала, а остальные подстилались обломками плотного известняка до 10 см в поперечнике из так называемого жёлтого

ракушечника, в отдельных случаях с признаками окатанности, не отсортированного, разного по размерам, с преобладанием в его составе мелких обломков до 5 см в поперечнике.

Более пристального внимания заслуживает находка второй половины тазовой кости мамонта (рис. 10) на кв. И/4, зафиксированной на глубине 260–268 см. Как и окружавшие её кости в юго-восточной части скопления, эта находка была локализована на покатам участке склона, но залегала горизонтально и несколько выше остальных. При этом она оказалась зажатой с трёх сторон: с севера — парой известняковых плиток, установленных вертикально на ребре, с запада — небольшим песчаниковым валуном, а с юга — плоским бутовым камнем. Более того, вся её юго-восточная часть оказалась перекрыта крупной плитой ракушечника, размеры которой превышали $2 \times 0,9 \times 0,3$ м. Все три её конца обломаны, а верхняя поверхность оказалась покрытой красной охрой. В процессе расчистки эта окраска имела светло-алый тон, а после высыхания приобретала коричневатый цвет.

Рис. 7. Остатки черепа мамонта на площадке из плиток в центральной части скопления
Fig. 7. Mammoth skull remains on a platform of limestone plaques in the central part of the accumulation

Рис. 8. Носовые кости мамонта в южной части скопления
Fig. 8. Mammoth nasal bones in the southern part of the accumulation

Рис. 9. Носовая кость мамонта со сгустком красящего вещества
Fig. 9. Mammoth nasal bone with a clot of dye

Извлечение костей черепа из грунта было начато с южного края лицевого отдела (рис. 5: 1а, 1б), после чего был изъят правый зуб (из шести фрагментов, с участка 2). Позже было начато извлечение обломков черепа с севера (рис. 5: 3а-3в). К сожалению, костная масса оказалась недостаточно прочной, она отслаивалась большими кусками. Лучшей сохранностью обладала подсохшая внешняя часть черепа. По его краю встречаются плоские плитки до 20 см в поперечнике при толщине до 3 см, расположенные горизонтально, которым сопутствовали камни рыхлого ракушечника желтоватого оттенка, а также более плотной породы с признаками окатанности. Все они располагались в подстилающей прослойке «ракушечной крошки». Под центральной частью черепа обнаружен плоский камень размером 40 × 30 × 10 см в наклонном положении (соответственно понижению к северо-востоку). Вся северо-восточная и центральная часть черепа была извлечена в виде семи кусков (рис. 5: 3а, 3б), ещё один крупный фрагмент, скреплённый глинистой породой, был снят с северо-востока (3в). Основная часть отобранных кусков черепа не поддаётся восстановлению.

После удаления скопления костей от раздавленного черепа в его основании наблюдались редкие обожжённые кости, но не мамонта, а какого-то копытного животного. Определить их видовую принадлежность не удалось. Выделить на основании этих находок отдельный самостоятельный горизонт пока не представляется возможным. К тому же они встречались лишь на участках, где нет измельчённой ракушки.

К основному скоплению костей относится и вторая половина альвеольных отростков (рис. 5: 1а), найденная в наклонном, согласно склону, положении на границе кв. 3-И/3. Опять же основанием для её «установки» послужила известняковая плитка и несколько более мелких камней, её блокирующих. Наблюдаемый на соседних участках горизонт пережжённых костей здесь оказался в промежутке между плиткой и скоплением костей.

Под не менее чем двумя шейными позвонками в южной части кв. И/4 выявлено продолжение одной из альвеольных трубок (рис. 5: 1в). В свою очередь базальная часть этой кости имеет необычную подставку из песчаникового глыша размером 25 × 15 × 12 см. Этот глыш выделяется не только своей формой, но и принадлежностью к редкой разновидности песчаника, который поблизости не встречается и, видимо, был принесён издалека. Есть находки и других песчаниковых галек, обычно мелкого размера, без следов утилизации, залегающих в основании слоя, но чаще в кровле нижележащего щебнистого прослоя.

При разборке культурного слоя на кв. И/3 у южной окраины скопления, непосредственно под одной из носовых костей, было найдено кремнёвое изделие с голубой патиной. Это двойной угловой резец, забракованный из-за неудачной подправки лезвия. Ещё одна находка обнаружена на соседнем со скоплением костей мамонта кв. И/2, на глубине 264 см от нулевого репера. Это кремнёвый отщеп средних размеров со спинкой, также покрытой голубой патиной.

К западу от скопления на кв. 3/4 на глубине 253 см выявлен небольшой фрагмент оленьего рога. В западной части кв. 3/3 обнаружены ещё две важные находки: фрагмент ребра мамонта (?) с широким пазом, напоминающим оправу для вставки вкладышей, известных на молодовских памятниках, и пест-тёрочник на песчаниковой гальке крупного размера. Этим предметам также сопутствовали древесные угли. При этом костяное орудие налегало на плоскую плитку плотного известняка до 18 см в поперечнике, без видимых следов использования.

По нашей оценке, сохранность пятого культурного слоя вполне удовлетворительная, хотя непо потревоженным этот слой, конечно, назвать нельзя, так как, по всей видимости, имело место смещение⁵ отдельных артефактов мелких и средних размеров вниз по склону. Что касается крупных костей мамонта, то их местоположение вовсе не изменилось или изменилось не столь существенно. Возможно, это связано не только с их большим весом, но и с тем, что часть этих костей была заблокирована известняковыми камнями и плитками, песчаниковыми гальками и валунами. Пока мы не можем утверждать, что это было сделано преднамеренно. Если бы удалось подтвердить присутствие в скоплении костей каких-либо элементов конструкции, тогда «блокировка» имела бы смысл, но, к сожалению, ни состав костей, ни характер их залегания не позволяют это сделать. На палеолитических памятниках, где прослежено большое число костей крупных животных, чаще всего в конструкциях использовались трубчатые кости конечностей, бивни, лопатки со сбитым гребнем, иногда нижние челюсти или черепа в качестве опор. В нашем случае в скоплении отсутствуют кости конечностей мамонта, если не принимать во внимание бедренную кость, находящуюся более чем в метре к западу от основной концентрации. Нет в этом скоплении и бивней (ближайший обнаружен примерно в полуметре к северо-востоку от него). Остаётся крупный череп мамонта, но без явных признаков использования. Приходится отказаться и от версии размещения здесь ветрового заслона, поскольку он находился бы с подветренной стороны (предполагаемое кострище располагалось с северо-запада, на что указывают сгустки углистой массы).

По заключению археозоолога Летисии Демэй, осмотревшей коллекцию костей мамонта, хранящуюся в Тираспольском госуниверситете, не возникает сомнений в их принадлежности одной половозрелой особи (Demay et. al. 2021: 9–10). По нашим наблюдениям, в анатомическом порядке располагались лишь позвонки шейного отдела, хотя и была соблюдена некая последовательность в расположении от черепа (северо-западная часть скопления) до тазовой кости (юго-восточная его часть). Как мы уже отмечали, вызывает удивление отсутствие в составе костей остатков конечностей. Нет пока ясности и в причинах рассредоточенности позвонков грудного отдела и отсутствия большого числа рёбер мамонта. Всё это указывает на то, что этот один-единственный мамонт был объектом охоты или найден в ещё пригодном для потребления виде. Мы склоняемся к версии, что он всё-таки был охотничьим трофеем. Вместе с тем в культурном слое эпизодически встречаются и плохо определимые обломки костей лошади (?), а также имеется фрагмент оленьего рога. Как бы то ни было, прослеженное скопление костей мамонта при крайне малом числе кремнёвых изделий и отсутствии каких-либо хозяйственно-бытовых объектов свидетельствует о непродолжительном пребывании здесь человека и позволяет рассматривать материалы из этого слоя как остатки кратковременного охотничьего лагеря.

⁵ В этой связи любопытно смещение находок по уровню залегания: от контакта лёссовидных суглинков с глеевой почвой на западном участке раскопа до собственно самой глеевой почвы, включающей основное скопление костей, и дальше с проникновением в щебнистый прослой, мощность которого заметно возрастает к северо-восточному краю раскопа, где был обнаружен бивень. Это соответствует нашему представлению о размещении охотничьего лагеря вблизи покатого склона и состоянии древней дневной поверхности.

Самое пристальное внимание в ходе раскопок было обращено на характер распространения охры. На отдельных участках культурного слоя, в частности, в границах скопления костей её не просто много, а чрезвычайно много. Судя по различию оттенков используемой охры, она происходит из двух независимых источников. Одним из них могли быть краснозёмы из обнажений шестой надпойменной террасы, выполняющей роль надканьонной, где в настоящее время карьером вскрыта многометровая толща таких отложений (по краю плато на горе Киевка). Судя по некоторым признакам, охристое вещество подготавливалось на месте путём растирания и смешивания с наполнителями органического происхождения. При нанесении охры на поверхность кости красящий пигмент, прежде всего, удерживался в мелких порах и трещинках. Целенаправленная окраска наблюдается на обеих половинках тазовой кости; что же касается носовых костей мамонта (альвеол), то их использовали не столько как объект окраски, сколько как некую ёмкость, в которой хранилась или подготавливалась краска, судя по сгусткам и комочкам, сохранившимся в естественных углублениях этих костей (рис. 9).

Окраска красной охрой дополняется зафиксированными на одной из половинок тазовой кости следами чёрной краски, изготовленной на основе сажи с жидким наполнителем. Краска, видимо, наносилась тампоном из растительного материала.

Повторимся, что для раскраски использовались обе половинки тазовой кости. При извлечении одной из них, частично перекрытой плитой, на поверхности окрашенность выглядела особенно свежей, сочной, плотной (рис. 11, 12). При наклоне кости, изменении ракурса обзора даже неопытный наблюдатель замечал некие линии, чаще прерывистые, волнистые, разной тональности и насыщенности краской. При более внимательном их осмотре начинали угадываться некие силуэты, которые принимали очертания, отдалённо напоминающие антропоморфные фигуры.

Для Восточной Европы раскраска костей охрой не является чем-то необычным. На стоянке верхнего палеолита Мезин известен так называемый музыкальный комплекс, представленный разными костями мамонта, в том числе половинкой тазовой. Все кости украшены геометрическим орнаментом (Шовкопляс 1965: 243–245; Бибииков 1981), но без сплошной раскраски поверхности. При раскопках в Межиричах найден череп мамонта с орнаментом, нанесённым на лобную кость красной охрой (Пидопличко 1969: рис. 57). Графический зигзагообразный узор есть на тазовой кости из Пржедмости в Моравии (Елинек 1982: 443). На этом же памятнике обнаружен фрагмент лопатки мамонта с росписью охрой. К сожалению, по прошествии непродолжительного времени охристая краска на поверхности тазовых костей из Рашкова 8 потускнела, произошли изменения в составе пигмента от контакта с агрессивной окружающей средой. Окраска утратила свою тональность, охра начала напоминать коричневатую субстанцию⁶, и подтвердить присутствие каких-либо изображений стало более невозможно. Остаётся лишь надеяться, что в будущем появятся новые методы диагностики, которые позволят выявить и распознать предполагаемые изображения.

⁶ Мы считаем, что минеральная краска из краснозёмов верхних террас Днестра обладает значительно меньшей устойчивостью в сравнении с охрой, получаемой из сферосидеритов.

Рис. 10. Вторая половинка тазовой кости в юго-восточной части скопления, частично перекрытая каменной плитой

Fig. 10. Half of mammoth pelvic bone in the southeastern part of the accumulation, partially covered with a stone slab

Рис. 11. Остатки охры на поверхности тазовой кости, частично перекрытой плитой

Fig. 11. Remains of ochre on the surface of the pelvic bone, partially covered by a slab

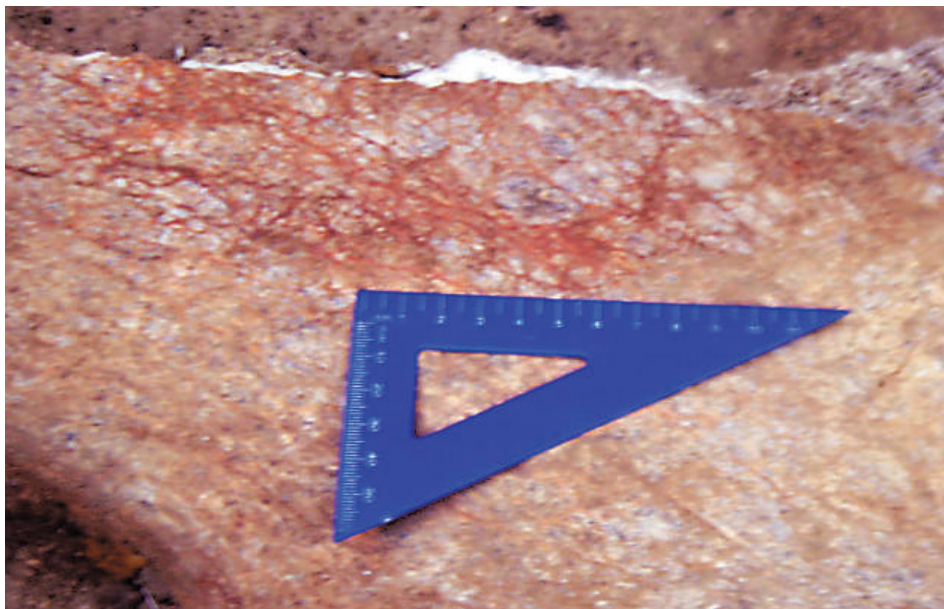

Рис. 12. Первоначальный вид поверхности кости, наиболее насыщенной охрой
Fig. 12. Initial appearance of the bone surface densely covered with ochre

Литература

- Бибиков С. Н. 1981. *Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта*. Киев: Наукова думка.
- Борзьяк И. А. 1983. Поздний палеолит Днестровско-Карпатского региона (опыт систематизации). В: Кетрару Н. А. (ред.). *Первобытные древности Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 33–64.
- Григорьева Г. В. 1974. Палеолитическая стоянка Рашков VIII. *Советская археология* 3, 142–149.
- Григорьева Г. В. 1980. Некоторые итоги изучения позднего палеолита в Молдавии. В: Артеменко И. И. (ред.). *Первобытная археология — поиски и находки*. Киев: Наукова думка, 71–82.
- Демиденко Ю. Э., Нужный Д. Ю. 2003–2004. Проблемы верхнего палеолита Северного Причерноморья и книга И. В. Саложникова «Большая Аккаржа. Хозяйство и культура позднего палеолита степной Украины». *Stratum plus* 1, 507–523.
- Елинек Я. 1982. *Большой иллюстрированный атлас первобытного человека*. Прага: Артия.
- Кетрару Н. А., Григорьева Г. В., Иванова И. К., Ренгартен Н. В. 1986. Палеолитическая стоянка Рашков VIII. В: Адаменко О. М., Никифорова К. В. (ред.). *Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья*. Кишинев: Штиинца, 123–126.
- Кетрару Н. А., Григорьева Г. В., Коваленко С. И. 2000. Позднепалеолитическая стоянка Рашков VII (кремневая индустрия). *Stratum plus* 1, 272–314.
- Пидопличко И. Г. 1969. *Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине*. Киев: Наукова думка.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. В: Борисковский П. И. (ред.). *Палеолит СССР*. М.: Наука, 162–271.
- Смольянинова С. П. 1990. *Палеолит и мезолит степного Побужья*. Киев: Наукова думка.

- Шовкопляс И. Г. 1965. *Мезинская стоянка*. Киев: Наукова думка.
- Borziac I. 2004. Gravetianul tardiv in spațiul Carpato-Nistrean. Cultura Molodova-Cosăuți-Cotul Miculiți. In: Arnăutu T. (red.). *Studii de istorie veche și medievală: omagiu prof. Gheorghe Postică*. Chișinău: Pontos, 46–50.
- Borziac I. 2005. Interferențe aurignacian-gravetiene în paleoliticul superior Carpato-Nistrean. Cultura Rașcov. In: Galben A. (dir.). *Symposia Professorum. Seria istorie și Științe politice*. Chișinău: Universitatea Liberă Internațională din Moldova, 6–16.
- Chetraru N., Covalenco S. 1999. Particularitățile tehnico-tipologice ale complexului de silex din stațiunea paleoliticului superior Rașcov VII. *Tyragetia* IX, 31–50.
- Demay L., Covalenco S., Obadă T., Croitor R. 2021. Zooarchaeological analysis of the Rașcov 8 Upper Palaeolithic site (Republic of Moldova). *L'Anthropologie* 125. <https://doi.org/10.1016/j.anthro.2021.102927>.

References

- Bibikov S. N. 1981. *Drevneishii muzykal'nyi kompleks iz kostei mamonta*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Borziac I. A. 1983. Pozdnii paleolit Dnestrovsko-Karpatskogo regiona (opyt sistematizatsii). In: Chetraru N. A. (ed.). *Pervobytnye drevnosti Moldavii*. Kishinev: "Știința" Publ., 33–64 (in Russian).
- Borziac I. 2004. Gravetianul tardiv in spațiul Carpato-Nistrean. Cultura Molodova-Cosăuți-Cotul Miculiți. In: Arnăutu T. (red.). *Studii de istorie veche și medievală: omagiu prof. Gheorghe Postică*. Chișinău: Pontos, 46–50.
- Borziac I. 2005. Interferențe aurignacian-gravetiene în paleoliticul superior Carpato-Nistrean. Cultura Rașcov. In: Galben A. (dir.). *Symposia Professorum. Seria istorie și Științe politice*. Chișinău: Universitatea Liberă Internațională din Moldova, 6–16.
- Chetraru N., Covalenco S. 1999. Particularitățile tehnico-tipologice ale complexului de silex din stațiunea paleoliticului superior Rașcov VII. *Tyragetia* IX, 31–50.
- Chetraru N. A., Grigor'eva G. V., Ivanova I. K., Rengarten N. V. 1986. Paleoliticheskaia stoianka Rashkov VIII. In: Adamenko O. M., Nikiforova K. V. (eds.). *Antropogen i paleolit Moldavskogo Pridnestrov'ia*. Kishinev: "Știința" Publ., 123–126 (in Russian).
- Chetraru N. A., Grigor'eva G. V., Covalenco S. I. 2000. Pozdnepaleoliticheskaia stoianka Rashkov VII (kremnevaia industriia). *Stratum plus* 1, 272–314 (in Russian).
- Demay L., Covalenco S., Obadă T., Croitor R. 2021. Zooarchaeological analysis of the Rașcov 8 Upper Palaeolithic site (Republic of Moldova). *L'Anthropologie* 125. <https://doi.org/10.1016/j.anthro.2021.102927>.
- Demidenko Iu. E., Nuzhnyi D. Iu. 2003–2004. Problemy verkhnego paleolita Severnogo Prichernomor'ia i kniga I. V. Sapozhnikova "Bol'shaia Akkarzha. Khoziaistvo i kul'tura pozdnego paleolita stepnoi Ukrainy". *Stratum plus* 1, 507–523 (in Russian).
- Elinek Ia. 1982. *Bol'shoi illiustrirovannyi atlas pervobytnogo cheloveka*. Praga: Artia (in Russian).
- Grigor'eva G. V. 1974. Paleoliticheskaia stoianka Rashkov VIII. *Sovetskaia arkhelogiia* 3, 142–149 (in Russian).
- Grigor'eva G. V. 1980. Nekotorye itogi izucheniia pozdnego paleolita v Moldavii. V: Artemenko I. I. (red.). *Pervobytnaia arkhelogiia — poiski i nakhodki*. Kiev: Naukova dumka, 71–82.
- Pidoplichko I. G. 1969. *Pozdnepaleoliticheskie zhilishcha iz kostei mamonta na Ukraine*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Rogachev A. N., Anikovich M. V. 1984. Pozdnii paleolit Russkoi ravniny i Kryma. In: Boriskovskii P. I. (ed.). *Paleolit SSSR*. Moscow: "Nauka" Publ., 162–271 (in Russian).
- Shovkopliash I. G. 1965. *Mezinskaia stoianka*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Smol'ianinova S. P. 1990. *Paleolit i mezolit stepnogo Pobuzh'ia*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).